

УДК 930.9
ББК ТЗ(0)3
С 75

А. А. Нузнецов, К. В. Федосеева
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ВЕКТОР
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ
В ТРУДАХ С. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО

С 75 **Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени.** XIII чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова. Материалы Международной научной конференции (Нижегород, 25–27 сентября 2012 г.) / Под ред. А.В. Махлаюка. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. – 146 с.

ISBN 978-5-91326-199-1

В сборнике представлены материалы Международной конференции «XIII чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова», прошедшей в Нижегородском государственном университете и посвященной теме кросс-культурных коммуникаций в античную и средневековую эпохи. Публикуемые тезисы и тексты докладов охватывают широкий круг вопросов, относящихся к процессам исторического взаимодействия и взаимовлияния древних и средневековых культур в средиземноморском и прилегающих регионах начиная от эпохи Бронзы и до раннего Нового времени. В работах участников конференции освещаются также проблемы интерпретации археологических памятников, вопросы научной биографии нижегородских историков С.И. Архангельского и Н.П. Соколова, рассматривается ряд историко-искусствоведческих сюжетов.

Для специалистов-историков и археологов, преподавателей, студентов и аспирантов исторических факультетов.

ISBN 978-5-91326-199-1

УДК 930.9
ББК ТЗ(0)3

При изучении научного творчества С.И. Архангельского наиболее внимание уделяется вопросам нижегородского краеведения и аграрного законодательства Английской революции. Но для самого ученого от-дельным направлением научного поиска стала внешняя политика Британии при Оливере Кромвеле. Полностью результаты этой работы Архангельского не были обнародованы, кроме отдельных частей, представленных в статьях и главах коллективных монографий.

Поворот к внешней политике Англии обозначился у Архангельского после защиты докторской диссертации в 1938 г. В одной из автобиографий он отметил: «С 1940 г. начал изучать Английскую революцию по двум линиям – крестьянские движения в Англии и внешняя политика Англии в годы революции». В 1940 г. харьковский историк В.М. Пакуль писал Архангельскому: «От души желаю достигнуть подобных же результатов и по той новой теме, которую Вы себе наметили (внешняя политика Англии в 40–50-е гг. XVII в.)». А вот строчка из письма 1944 г. британского коллеги Кристофера Хилла: «Я нетерпеливо жду Вашу книгу о внешней политике Англии во время революции».

В Нижегородском архиве хранится рукопись Архангельского (95 листов), представляющая исследование направлений внешней политики Оливера Кромвеля: «Внешняя политика Англии в эпоху протектората 1654–1659». Один из выводов ученого был сформулирован так: «Внешняя политика Оливера Кромвеля действительно заложила основы будущей Британской империи». Понятно, что без каких-то успехов в Средиземноморье такие основы было бы трудно создать. Вообще Архангельский, демонстрируя масштаб внешней политики Кромвеля и его правой руки Терло в Старом и Новом Свете, оперирует географическим инструментарием «средиземных морей». К ним относятся собственно

© Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского, 2012

АРТАБАЗ, МЕНТОР И МЕМНОН: СЕМЬЯ ПЕРСИДСКИХ «ДИССИДЕНТОВ»

Диссидент (лат. *dissidens* – отступник, инакомыслящий) – человек, политические взгляды которого радикально расходятся с официально установленными в стране его проживания. Зачастую этот конфликт личных убеждений с общественно значимыми ценностями приводит к гонениям, преследованиям и репрессиям со стороны официальных властей. Такова трактовка слова «диссидент» в общепринятом современном значении. Но вернемся к его истокам. Латинское слово *dissideo* имеет несколько значений, в числе которых «быть несогласным», «отличаться», «восставать». На последнее значение хотелось бы обратить особое внимание. Именно такова одна из трактовок греческого глагола ἀφίστημι – слова, которое неоднократно используют английские авторы при своем рассказе о мятежах в Персии.

Нередко персидские «диссиденты» искали политического убежища в Греции, прежде всего в тех государствах, которые на тот момент находились во враждебных отношениях с Персией и где не было риска их выдачи – чаще всего в Афинах, но накануне восточных походов Александра и в Македонии. Интересным представляется рассмотрение вопроса об эмиграции персов в Грецию, тем более что он практически не привлекает внимание современных исследователей в отличие от вопроса о перемещении греков в Персию (Гиппий, Фемистокл, Демарат и др.), о котором довольно много написано в историографии.²

Сведения Плутарха (*Cim.* 10) о прибытии «отложившегося от царя» перса Ройсака в Афины и о его обращении за покровительством к Кирону представляют собой первый известный пример эмиграции перса по политическим мотивам в Грецию. Ктесий Книдский (*Persica* F 14, § 43) сообщает о другом примере прибытия персидского эмигранта в

² См., например: *Hofstetter J. Die Griechen in Persien. Prosopographie der Griechen im Persischen Reich vor Alexander. В., 1978; Keaveney A. The Life and Journey of Athenian Statesman Themistocles (524–460 B.C.?) as a Refugee in Persia. Lewiston; Lampeter, 2003; Суриков И.Е. Знаменитые афиняне VI–V вв. до н.э. на территории Ахеменидской державы // Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций: Тез. докл. Международной научной конференции (Казань, 14–16 сентября 2011 г.). Казань, 2011. С. 37–38.*

Афины: об отложении от царя и бегстве в Афины Зогира, активного участника восстания его отца Мегабиза, сатрапа Сирии, и о безуспешной помощи, которую оказали Зогиру афиняне при его попытке возвратиться в Азию (о нем упоминает также и Геродот: *Негод.* III. 160). Наконец, не исключена возможность того, что и Аморг, сын Писсуфна, после поражения мятежа его отца, также лично посетил Афины и добился оказания ему вооруженной поддержки (*Аподос.* III. 29; *Thuc.* VIII. 5. 5). Таким образом, фактом является то, что не только греки активно эмигрировали в Персию по политическим мотивам, но и персы нередко посещали Грецию. Мы рассмотрим вопрос о причинах, обстоятельствах и последствиях пребывания в вынужденной эмиграции персидского сатрапа Артабазы и двух его родственников – братьев Ментора и Мемнона.

Артабаз (II), сын Фарнабаза, принадлежал к известной династии сатрапов, которую в историографии принято называть Фарнакидами.³ Ее представители были наместниками в Даскилии с тех пор, как в 478 г. до н.э. Кеерк назначил там своим сатрапом участника греко-персидских войн Артабазы (I), сына Фарнака. Артабаз (II), потомок Артабазы (I), был уже шестым представителем той семьи, которая на протяжении 150 лет последовательно управляла сатрапией Геллеспонтская Фригия. Сам Артабаз (II), сын Фарнабаза, сменил в должности своего родственника Ариобарзана (который, в свою очередь, был назначен сатрапом в этой области еще в 388 г. до н.э.).

Ариобарзан стал участником так называемого Великого восстания сатрапов в 360-е гг. до н.э., находился в тесных дипломатических отношениях с греками⁴, и, более того, он сам и три его сына, по сведениям оратора Демосфена (XXIII. 141; 209), даже были награждены афинскими гражданскими правами: таким образом афиняне, вероятно, готовили почву для бегства сатрапа и его родственников в Афины. Однако Ариобарзан так никогда и не прибыл в Афины: он был выдан своим сыном Митрилатом и распят по приказу персидского царя Артаксеркса II Мнемона около 360 г. до н.э. Очевидно, в ходе этих событий сатрапия Ариобарзана была передана Артабазу, который в то время воювал на стороне царя против мятежных сатрапов (*Diod.* XV. 91. 1–4).

³ Об этой династии см. подробнее: *Рунг Э.В. О сатрапских династиях в Ахеменидской державе. Фарнакиды в Даскилии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2011. Т. 153, кн. 3. С. 87–94.*

⁴ См.: *Рунг Э.В. Филиск — правитель на Геллеспонте // Античность: общество и идеи: Сб. ст. Казань, 2001. С. 46–62.*

Родственные связи с Артабазом в немалой степени способствовали политической карьере двух братьев родосцев – Ментора и Мемнона, в дальнейшем оставивших заметный след в истории. Демосфен (XXIII. 157) называет Ментора и Мемнона зятьями Артабаза (οἱ κρησταὶ τοῦ Ἀρταβάζου), а Диодор (XVI. 50. 3–4) сообщает, что Артабаз был женат на их сестре, которая родила ему 11 сыновей и 10 дочерей. Плутарх (*Alex.* 21. 8) отмечает, что после битвы при Иссе в Дамаске в числе пленных оказалась и Барсина, вдова Мемнона и дочь Артабаза. Арриан же пишет (*Anab.* VII. 4. 3), что во время свадбных мероприятий в Сузах в 324 г. до н.э. Александр отдал замуж за своего наварха Неварха дочь Барсины и Ментора. Отсюда следует, что последняя сначала была женой Ментора, а затем вышла замуж за его брата Мемнона. После поражения Великого восстания сатрапов, смерти Артаксеркса II и восшествия на престол Артаксеркса III Оха Артабаз поднял мятеж против царя. К нему присоединились и оба его родственника.

В источниках ничего не сообщается о причинах выступления Артабаза, однако можно видеть его причину в политике нового царя, который решил покончить с вольностями сатрапов и твердой рукой стал «восстанавливать порядок» на всей территории Ахеменидской империи⁵. На этой почве, возможно, имел место какой-то личный конфликт Артабаза с Артаксерксом III. В начале восстания Артабаз привлек на свою сторону греческих наемников; сначала это были афиняне, возглавляемые стратегом Харесом, а затем и фиванцы во главе со своим предводителем Памменом (Diod. XVI. 22. 1–2; 34. 1–2; *FGrHist.* 105. F 1; *Schol. Dem.* III. 146a; IV. 84b; Polyae. VII. 33. 1–2). Поскольку сотрудничество Хареса с Артабазом отнесено Диодором ко времени Союзнической войны 357/6–355/4 гг. до н.э., в которой тот был афинским стратегом, то отсюда следует, что и во время войны на стороне мятежного сатрапа Харес продолжал оставаться афинским должностным лицом.

Мнения исследователей по вопросу об официальной позиции Афин в отношении к Персии в период восстания Артабаза расходятся. Одни говорят о том, что афиняне приняли решение поддержать мятежного сатрапа и даже заключили с ним союз⁶, другие, однако, считают, будто

⁵ *Mildenberg L.* Artaxerxes III Ochus (358–338 B.C.). A Note on the maligned King // *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins.* 1999, Bd 115. Ht 2. P. 208.

⁶ По мнению В.Г. Боруховича, афиняне в тот период были крайне враждебно настроены к Персии и потому поддерживали восставших сатрапов (*Борухович В.Г.* Афины, Персия и Египет в период от Союзнической войны до завоева-

Харес действовал по собственной инициативе⁷. В пользу последней возможности свидетельствует то обстоятельство, что решение Хареса присоединиться к Артабазу имело материальную подоплеку⁸: афинский стратег остро нуждался в денежных средствах для содержания своего войска (Diod. XVI. 22. 1; *Schol. Dem.* IV. 84b).

Тем не менее вполне вероятно, что афинские полисные структуры первоначально отнюдь не возражали против действий Хареса в Малой Азии (Diod. XVI. 22. 2). Последний, успешно сражаясь на стороне Артабаза, даже нанес поражение войскам персидского сатрапа Тифравста и по этому случаю написал письмо в Афины, хвастливо заявляя, что он одержал победу, которая является «сестрой Марафона», тем самым побуждая многих афинян отправиться к нему наемниками в Малую Азию (*Schol. Dem.* IV. 84b).

Для понимания афинской официальной позиции по отношению к восстанию Артабаза важна информация Демосфена. Так, знаменитый оратор (XV. 3, 29) объявляет зачинщиком восстания союзников против афинян Мавсола Карийского, который побуждал к этому острова (Родос, Кос, Хиос). Скорее всего, Мавсол, подстрекая острова к восстанию против Афин, преследовал собственные цели⁹, но афиняне, видя в карийском династе прежде всего подданного Артаксеркса III, могли быть убеждены в том, что он проводил политику в ущерб их интересам если и не по прямому указанию персидского царя, то, во всяком случае, с его согласия¹⁰. Между тем в этой ситуации Артаксеркс направил своих послов в Афины и потребовал немедленного возвращения Хареса. Диодор

ния Египта Артаксерксом III в 343 г. до н.э. // *Античный мир и археология.* Вып. 8. Саратов, 1990. С. 4–5).

⁷ Г. Парк и Л.П. Маринвич справедливо считают, что Харес изначально действовал без санкции своего государства (*Parke H.W.* Greek Mercenary Soldiers. From the Earliest Times to the Battle of Ipsus. Oxford, 1933. P. 123; *Маринвич Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 109).

⁸ *Mousey R.A.* Chares and Athenian Foreign Policy // *CJ.* 1985. Vol. 80. P. 221.

⁹ *Hornblower S.* Mausolus. Oxford, 1982. P. 168–169, 212; *Ruzicka S.* Politics of a Persian Dynasty. The Hecatomnids in the Fourth Century BC. Norman; London, 1992. P. 95 ff.

¹⁰ *Olmstead A.T.* The History of the Persian Empire. Chicago, 1948. P. 427; *Mouley R.A.* Op. cit. P. 225. По мнению П. Сэлмонда, действия Хареса побудили персидского царя вмешаться в конфликт между Афинами и союзниками (*Selmond P.D.* Sympathy for the Devil: Chares and Athenian Politics // *G&R.* 1996. Vol. 43. No. 1. P. 44).

(XVI. 22. 2) в этой связи сообщает: «Афиняне сначала одобрили действия Хареса; позднее же, когда царь направил послов и обвинил Хареса, они изменили мнение: распространили слух, что царь обещал врагам афинян сообщать с ними с 300 триерами вести войну против афинян». Вероятно, именно это письмо царя в Афины и последующий официальный отказ афинян от продолжения военной помощи Артабазу сделали невозможным его дальнейшее обращение в Афины с просьбой о политическом убежище.

Деятельность Паммена на службе у Артабазы может вызывать некоторое удивление в том случае, если согласиться с утверждением Диодора (XVI. 34. 2), что Артабаз убедил фиванцев заключить с ним союз. Существование такого союза противоречит тому, что известно о фивано-персидских отношениях как в предшествующий, так и в последующий период¹¹. К тому же официальная поддержка мятежа Артабазы трудно согласуется с получением фиванцами царских денежных средств в 351 г. до н.э. (Diod. XVI. 40. 1–2). Поэтому следует предположить две возможности: либо Паммен нанялся к Артабазу по собственной инициативе, а отправившийся с ним в Азию отряд в 5 000 человек представлял собой добровольцев-наемников (?); либо же фиванский стратег в конечном итоге действовал в ущерб интересам мятежного сатрапа¹². И хотя Диодор говорит о победах Паммена над персами в двух сражениях, последнюю возможность допускает Полиен (VII. 33. 2), который сообщает о том, что Артабаз заподозрил Паммена в измене и предал его смерти. Таким образом, оказавшись без поддержки со стороны греков, Артабаз, очевидно, решил прекратить свое сопротивление царю.

Диодор (XVI. 52. 3) сообщает, что Артабаз и его зять Мемнон бежали ко двору Филиппа II. Выбор Македонии, вероятно, был обусловлен их верой в враждебные отношения Филиппа и персидского царя Артаксеркса III Оха. Что касается Ментора, то он бежал в Египет. И далее практически на десятилетие разошлись пути Артабазы и Мемнона, с одной стороны, и Ментора, с другой. И если первые два проводили

¹¹ См.: *Buckler J. Pammenes, die Perser und die Heilige Krieg // Boiotika. Vorträge vom 5. Internationalen Böotien-Kolloquium zu Ehren von Prof. Dr. Siegfried Lauffer / Hrsg. von H. Beister und J. Buckler, München, 1989. S. 157–160; Idem. Aegean Greece in the Fourth Century B.C. Leiden; Boston, 2003. P. 411.*

¹² Дж. Баклер считает единственным объяснением действий Паммена то обстоятельство, что фиванцы, не сумев добиться принятия греками условий Всеобщего мира 366/5 г. до н.э., посчитали бесполезным сохранение дружбы с Персией (*Buckler J., Beck H. Central Greece and Politics of Power in the Fourth Century B.C. Cambridge, 2008. P. 226*).

свою жизнь в качестве политических эмигрантов при дворе македонского царя, то последний продолжал свою активную военно-политическую деятельность. Из сообщений Диодора (XVI. 42. 2; 47. 3; 49. 7; 50. 1–8; 52. 1–8) известно, что Ментор первоначально был командиром наемников в Египте; во время пребывания в Сидоне он перешел на сторону персов и затем возглавлял один из трех контингентов персидского царя Артаксеркса III Оха во время захвата Египта персами в 344 г. до н.э. Своим «предательством» Ментор, очевидно, испустил свою вину, примирился с царем и вошел в число его доверенных военачальников. В дальнейшем он был назначен сатрапом и главнокомандующим в Малой Азии (Diod. XVI. 50. 7; 52. 2), осуществил операцию по пленению Гермия Атарнейского (Diod. XVI. 52. 5; *Agist. Oes. 1351a Bekker; Polyaeu. VI. 48. 1*) и, в довершении ко всему, взял на себя посредничество в примирении Артабазы и Мемнона с царем (Diod. XVI. 52. 4). Ментор умер еще до начала Восточного похода Александра, но его брат Мемнон сыграл важную роль в организации персидского сопротивления македонскому царю (вместе с Фимондом, сыном Ментора, и Фарнабазом, сыном Артабазы) и умер в разгар военных действий, находясь во главе персидского флота¹³.

Что касается Артабазы, то он продолжал верно служить Дарию III (хотя, очевидно, более и не занимал никаких ответственных постов) и сдался Александру Великому в Гиркании в 330 г. до н.э. Македонский царь милостиво обошелся с персом, несомненно, принимая во внимание его прежние контакты с Филиппом II. Об этом очень красноречиво заявляет Курций Руф (VI. 5. 1–10): «Царь вступил уже в крайние районы Гиркании, когда Артабаз, бывший... очень преданным Дарию, встретил его со своими детьми, родными Дария и немалым отрядом греческих солдат. Царь дал прибывшему правую руку, ибо он был гостем Филиппа во время своего изгнания в царствование Оха, но верность своему царю, которую он сохранил до конца, была для того важнее уз гостеприимства. Он был ласково принят... Ему шел 95 год, девять юношей, все сыновья одной матери, сопровождали отца. Артабаз подвел их к руке царя, моля богов, чтобы они жили, пока будут полезны Александру».

¹³ Подробнее о деятельности Мемнона против Александра см.: *McCoy W. J. Memnon of Rhodes at the Granicus // APH. 1989. Vol. 110. No. 3. P. 413–433; Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire. Oxford, 2006. P. 162.*

Таким образом, судьбы Артабазы, Менгора и Мемнона показывают, что, несмотря на их первоначальное выступление против царя и, как следствие этого, вынужденную эмиграцию, они не оставляли мысли вернуться назад в Персию и искали любые пути для осуществления своей цели. В конечном итоге им это блестяще удалось и, надо сказать, они не только не понесли наказания, но, напротив, укрепили свое текущее положение (и в этом смысле их пример является уникальным для того времени).

С. И. Сизов

Нижегородский номмерческий институт

ПОНЯТИЕ ОЛИГАРХΙΑ ΙΣΟΝΟΜΟΣ У ФУКИДИДА (III. 62. 3)

В «Истории» Фукидида содержится любопытное противопоставление двух видов олигархического режима. В переданной им речи фианских послов перед спартанцами есть фраза, касающаяся политического устройства Фив во времена персидского нашествия: «В то время государственной строй нашего города представлял собой ни олигархию, основанную на исономии (ὀλιγαρχία ἰσωνομος), ни демократию; у нас была такая власть, которая в наибольшей степени противоречит законам и разумному представлению о государственном устройстве и более всего близка к тирании – владычество немногих людей (δυναστεία ἀλιγῶν ἀνδρῶν)» (Thuc. III. 62. 3). Здесь Фукидид проводит различие между олигархией умеренной и олигархией крайней, доведенной до предела. Название δυναστεία для этой последней разновидности не выглядит необычным: более поздние греческие авторы также используют этот термин для обозначения крайней формы олигархии. Выражение ὀλιγαρχία ἰσωνομος, напротив, является уникальным и не встречается больше нигде ни у Фукидида, ни в других греческих текстах. При истолковании этого термина в научной литературе обычно подразумевается, что историк в данном пассаже выдвинул собственную классификацию олигархических режимов и счел возможным существование исономии при достаточно либеральной олигархии, которая допускает верховенство закона и политическое равноправие граждан, обладающих определенным имуще-

ственным цензом¹⁴ (либо равенство гражданских прав, кроме политических, у всех граждан¹⁵).

Заметим, однако, что в греческих источниках классического периода исономия слишком тесно ассоциируется с демократией, и изъять из этого понятия политическое равноправие граждан достаточно сложно. Наиболее яркая иллюстрация этому – знаменитый спор трех знатных персов о формах правления, описанный Геродотом (III. 80–83). Один из них, Отан, ратует за народовластие, перечисляет основные атрибуты демократии, включая верховенство народного собрания и замещение должностей по жребию, но именуется этот строй не демократией, а «исономией» (III. 80. 6; 83. 1). У самого Фукидида (III. 82. 8) в авторском рассуждении о том, как политики демократического и олигархического толка прикрывают корыстные интересы и личные амбиции красивыми фразами о «политической исономии народной массы и разумном правлении лучших» (πλήθους τε ἰσωνομίας τοῦ τίμειου καὶ ἀριστοκρατίας σφύρατος), «исономия» выступает в роли наиболее привлекательного лозунга демократов, а «аристократия» – олигархов. Таким образом, понятие «исономия» имело, по крайней мере, в Афинах, очевидный демократический оттенок, так что едва ли прилагательное ἰσωνομος можно было применять к режиму, при котором равенством политических прав пользуется лишь ограниченный круг граждан. Кроме того, приведенные примеры наглядно показывают, что термин «исономия» не только подразумевает равенство личных и имущественных прав граждан, но и имеет прямое отношение к организации власти. Поэтому не лишено резона предположение, согласно которому слово «исономия» в интересующей нас фразе использовано не в афинском, а беотийском значении¹⁶.

Политический строй, названный у Фукидида ὀλιγαρχία ἰσωνομος, был установлен в Фивах, как и во всей Беотии, после 447 г. до н.э. В

¹⁴ См., например: Marchant E.C. Commentary on Thucydides. Book 3. L., 1909. P. 186; Thucydides. The Peloponnesian War / Translated by R.Crawley. L.; N. Y., 1910. P. 538; Hanson V.D. The Other Greeks: The Family Farm and the Agrarian Roots of Western Civilization. N. Y., 1995. P. 204.

¹⁵ Более распространенное толкование см., в частности: Лупье С.Я. Беотийский союз. СПб., 1914. С. 13; Larsen J.A.O. The Boeotian Confederacy and Fifth-century Oligarchic Theory // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1955. Vol. 86. P. 46–47; Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. 1. Oxford, 1991. P. 455.

¹⁶ Cartledge P. Boiotian Swine Forever? The Boiotian Superstate in 395 BC // Polis and Politics. Studies in Ancient Greek History. Copenhagen, 2000. P. 408.